

ISSN 0042-8779

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В Н О М Е Р Е:

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В 30-е ГОДЫ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

С. Н. ВАЛК — УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ СОКОЛЬНИКОВ

ДЕЛО ГЕНЕРАЛА фон ФРИЧА

12

МОСКВА · 1988

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ СОКОЛЬНИКОВ

В. Л. Генис

«Любитель парадокса», «ценнейший работник», «наш милый, талантливый и ценнейший т. Сокольников»¹. Эти слова, принадлежащие В. И. Ленину, сказаны о человеке, имя которого более полувека старательно вычеркивалось из нашей истории. Во времена сталинского лихолетья на нем лежало табу, своеобразное проклятье, да и позже оно стойко предавалось забвению, а если и упоминалось, то почти исключительно в негативном плане. В 20-е же годы это имя было хорошо известно. И не только старой ленинской гвардии и широким партийным массам, знавшим Григория Яковлевича как активного участника двух российских революций и гражданской войны, одного из авторитетных руководителей ЦК партии и Исполкома Коминтерна. Имя первого Наркомфина СССР знали без преувеличения все грамотные граждане Союза. Оно прочно ассоциировалось со знаменитой денежной реформой 1922—1924 гг., позволившей стране покончить с финансовой разрухой, справиться с бюджетным дефицитом и квадриллионами ничего не стоивших дензнаков, остановить бешеную пляску цен. Имя «большевистского финансиста» неразрывно связывалось с твердым советским червонцем — «золотой банкнотой», «феноменом организованного хозяйства»², перед которым с величайшим почтением склоняли голову финансовые заправилы капиталистического мира.

Встреченный издевательствами и злобной бранью мировой буржуазной и белогвардейской прессы, ехидными насмешками дельцов-спекулянтов и настороженным недоверием большинства советских хозяйственников, червонец, ворвавшись в хаос непрерывно обесценивавшейся совзначной валюты, не только занял доминирующее положение в государственной денежной системе, но уже через полтора года полностью вытеснил бумажный совзнак. На нашем внутреннем рынке перед червонцем капитулировали американский доллар и английский фунт стерлингов. Его поразительная устойчивость вызвала изумление повсюду в мире, а успех денежной реформы в СССР ставился в пример другим странам. «При падении франка, при катастрофе марки, при общем нарушении всех валют,— говорил на II Всесоюзном съезде Советов в январе 1924 г. заместитель председателя Совнаркома и Совета Труда и Оборона Л. Б. Каменев,— у нас в Союзе ССР введены в обращение на 300 миллионов рублей твердой валюты, а те банкиры, те правительства, которые нас не признают де-юре, очень хорошо признают бумажку, на которой написано: сие считать за 10 рублей и подписано: Сокольников»³.

Без иностранной помощи, в условиях финансовой блокады, Советское
ГЕНИС Владимир Леонидович - ведущий конструктор СКБ (Москва).

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 45, с. 220; т. 50, с. 88; т. 44, с. 428.

² Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Т. 2. М. 1926, с. 78.

³ Второй съезд Советов СССР. Стеногр. отч. М. 1924, с. 94.

государство создало полноценную, единую на всей территории СССР, устойчивую конвертируемую валюту. «Великан пробуждается,— писала американская пресса.—...Русская валюта — одна из немногих, которая котируется несколько выше курса доллара... Ничто более не сможет задержать окончательного восстановления СССР»⁴. Уже в 1925 г. советский червонец официально котировался на валютных биржах Вены, Каунаса, Константинополя, Милана, Ревеля, Риги, Рима, Тегерана, Улан-Батора, Харбина и Шанхая. Широкие операции с червонцами производились в Англии, Германии, Голландии, Польше, США, во многих других странах. Червонцы котируются выше всякой другой европейской валюты. сообщало агентство «Юнайтед Пресс»⁵. «Великолепный пример, вызывающий восхищение у всякого непредвзято мыслящего человека, преодоления страшных затруднений по сбалансированию государственного бюджета и стабилизации валюты показал Комиссариат финансов,— во всеуслышание заявил видный английский финансист и промышленник Л. Уркарт.— Потребовалось немало усилий, мужества и предвидения в условиях финансово-промышленного хаоса, в котором находилась страна еще недавно, чтобы постепенно заменить работу печатного станка поступлениями от налогов и доходами, а затем суметь в сметном государственном бюджете текущего года не только свести концы с концами, по сделать это без обращения к тому же печатному станку... Комиссариат финансов идет по пути, который не может не вызвать признания самого консервативного правительства»⁶.

Руководствуясь стратегией ленинской новой экономической политики, СССР стремительно возрождался из разрухи. Денежная реформа, ставшая тогда переломным этапом хозяйственного развития страны, заложила прочную финансовую базу для дальнейшего, более уверенного и ускоренного подъема всех отраслей народного хозяйства. На XIII съезде РКП(б) в мае 1924 г. один из делегатов в своем выступлении упомянул о разговоре с нэпманом. Тот считал, что большевики должны поставить памятник человеку, который провел денежную реформу,— такое это трудное дело⁷. Оклеветанному и незаконно репрессированному наркомфину памятника не поставили... Вероятно, уже никто не узнает, в какой безымянной братской могиле он похоронен. Блестящие же результаты его детища — денежной реформы — после свертывания нэпа были фактически сведены на нет.

В историю Советского государства Сокольников вошел не только как «большевистский финансист», но и как закаленный, испытанный революционер, прошедший царские тюрьмы и ссылку, крупный, хотя и «увлекающийся», по определению Ленина, политик, «талантливый журналист»⁸, боевой комиссар и командарм гражданской войны, видный экономист, известный дипломат, автор ряда серьезных работ по финансовым и экономическим вопросам. Высокообразованный, широко эрудированный человек, поражающий окружающих мощью своего интеллекта, смелостью и остротой мысли, многообразием и разносторонностью талантов,— таким был этот подлинный партийный интеллигент ленинской формации, одна из наиболее ярких фигур в когорте творцов Великого Октября.

Григорий Яковлевич Бриллиант (партийный псевдоним — Сокольников) родился 15 августа 1888 г. в г. Ромны Полтавской губернии. Его отец, доктор медицины, работавший врачом на Либаво-Роменской железной дороге, после переезда семьи в Москву дослужился до чина коллежского советника, владел аптекой на Трубной площади. Еще гимнази-

⁴ Финансовая газета, М., 30.III.1924.

⁵ Там же, 24.III.1925.

⁶ Цит. по: Цыбульский В. А. Нэп и денежная реформа 1922—1924 гг.—История СССР, 1972, № 4, с. 126-127.

⁷ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стеногр. отч. М. 1963, с. 169.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 427.

стом Григорий включился в революционное движение. В 1905 г. 17-летним юношей вступил в московскую большевистскую организацию, участвовал в Декабрьском вооруженном восстании⁹. Будучи признанным лидером революционно настроенной учащейся молодежи, Григорий, как и его друг Николай Бухарин, стал одним из основателей и руководителей подпольной социал-демократической организации средних учебных заведений Москвы. Хорошо знавший его в юности писатель И. Г. Эренбург позже вспоминал, что уже тогда Сокольников казался ему «стратегом»: был серьезен и строг, мало разговаривал, любил шахматы. «Благодаря своей эрудиции,— отмечал другой участник ученической организации Б. А. Дунаев,— непреклонной воле и некоторой сдержанности в личных отношениях, он у нас на общих собраниях являлся неизменным председателем, умевшим вовремя и блестяще пресечь разгоравшиеся страсти»¹⁰. Уже с весны 1906 г. Григорий вел пропагандистскую работу в Городском районе Москвы, в основном среди печатников, потом в Сокольниках — среди ткачей. Под конспиративным именем «Леонид» в качестве члена подпольного Сокольнического райкома РСДРП он работал агитатором, организатором, ответственным пропагандистом района; одновременно активно участвовал в деятельности Московского Военно-технического бюро — штаба большевистских боевых дружин.

Его арестовали осенью 1907 г. на партийном собрании. При обыске обнаружили нелегальную литературу, печать райкома. Полтора года, проведенные в одиночной камере Бутырской тюрьмы, были заполнены усиленными занятиями экономикой, историей, философией. «Чтение,— вспоминал Сокольников,— обычно разнообразилось игрой в шахматы с соседями по методу перестукивания через стенку. Вопреки конфискациям шахмат, которые лепились из хлеба, и карам за перестукивание, игра эта процветала». Дело студента Московского университета Григория Бриллианта рассматривалось 18 сентября 1908 г. в особом присутствии Московской судебной палаты, наполовину при закрытых дверях. За принадлежность к «преступному сообществу» молодой революционер был приговорен по 1-й части 102-й статьи Уголовного уложения Российской империи к лишению всех прав состояния и ссылке на вечное поселение в Сибирь¹¹. Тюремный режим и суровый приговор не сломили его. Незадолго до отправки по этапу за отказ снять шапку перед начальником тюрьмы юношу, заковав в кандалы, бросили в карцер, перевели на положение каторжанина¹².

Местом поселения ему определили с. Рыбное (Рыбинское) Енисейской губ., на Ангаре. Четыре месяца он шел по этапу, с остановками в пересыльных тюрьмах. Задерживаться в Рыбном до зимы он не собирался и уже через шесть недель вместе с большевиком Г. Л. Шкловским совершил дерзкий побег. Поменяв арестантские наряды на городскую одежду и выдавая себя за людей, едущих с золотых приисков, беглецы сначала на лодке по реке, а потом на лошадях от деревни к деревне пробирались к г. Канску, оттуда по железной дороге — в Европейскую Россию¹³. Оставаться в Москве было рискованно — за побег из Сибири полагалось не менее трех лет каторги. Добравшись до Мариамполя, Григорий с помощью товарищей перешел прусскую границу.

«Поселившись осенью 1909 г. в Париже,— сообщал Сокольников в автобиографии,— заведовал по поручению Ленина рабочим клубом «Про-

⁹ Автобиография Г. Я. Сокольникова (далее - Автобиография). В кн.: Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7-е. Т. 41, ч. III, ст. 73—74.

¹⁰ Эренбург И. Книга для взрослых. - Знамя, 1936, № 5, с. 21; Дунаев Б. А. В юношеские годы. В кн.: Пятый год. Сб. 2. М.— Л. 1926, с. 21.

¹¹ Автобиография, ст. 75; Русское слово, 19.IX.1908.

¹² Автобиография, ст. 75.

¹³ Шкловский Г. Л. Побег (Записки большевика). - Октябрь, 1934, № 6, с. 129-131.

летарий». В русской библиотеке на Авеню де Гобелен происходили в это время эмигрантские собрания, на которых Ленин воевал против ликвидаторов и отзовистов. С Надеждой Константиновной Крупской познакомился в редакции Ц. О. «Соц.—Демократ», где она обычно тщательно собирала сведения о происходящем в России от приезжих, являвшихся в редакцию. Ленина впервые видел на собрании парижской большевистской группы: был его доклад о двух возможных путях аграрного развития в России. Была тяжелая полоса разгара реакции, но от Ленина веяло несокрушимой твердостью и бодростью. Жил он в крохотной квартире на улице Мари-Роз, долгие часы проводил за работой в Национальной библиотеке, вечером в маленькой блестящей от чистоты кухне за более чем несложным ужином Владимир Ильич беседовал с товарищами, заглянувшими его проведать. В Париже окончил юридический факультет и курс доктората экономических наук»¹⁴.

В условиях идейных разногласий и организационного разброда в рядах социал-демократии в годы реакции, последовательной борьбы Ленина за чистоту и выдержанность партийной линии Григорий (в эмиграции он был известен как Виктор Сокольников) примкнул к группе «большевиков-партийцев», или «нефракционных большевиков», лидерами которой являлись М. К. Владимиров, А. И. Любимов и С. А. Лозовский. Последние, настаивая на необходимости организационного сближения с меньшевиками-антиликвидаторами, возглавляемыми Г. В. Плехановым, утверждали, что оставаясь большевиками, не согласны с якобы раскольнической тактикой ленинцев, их нетерпимостью к идейным противникам. Владимир Ильич, подвергнув «партийцев» беспощадной критике, назвал их «новой фракцией» примиренцев, «игрушкой в руках ликвидаторов». По свидетельству одного из современников, И. Д. Мордковича, «Ленин очень хорошо относился к Г. Я. Сокольникову, не хотел его терять и часто с ним беседовал»¹⁵. И все же полностью вырваться из плена примиренческих иллюзий Григорию Яковлевичу удалось только после возвращения на Родину.

С первых дней мировой войны Сокольников занял твердую интернационалистскую позицию. Перебравшись в нейтральную Швейцарию, он обратил там на себя внимание своими блестящими докладами о войне, империализме и социалистической революции, вел активную работу в местной социал-демократической партии. В Женеве в 1916 г. Сокольников близко сошелся с французским социалистом, поэтом и журналистом Анри Гильбо, который участвовал в Кинтальской социалистической конференции и вернулся оттуда, по его собственным словам, уже приверженцем Ленина. «В союзе с Сокольниковым,— вспоминал Гильбо,— мы начали борьбу против социал-патриотов... Мы основали «интернациональную социалистическую группу», устав которой был сколком принципов, руководящих Циммервальдской левой»¹⁶. В конце года группа, в числе основателей которой были большевики-ленинцы В. А. Карпинский, О. Равич и германский социал-демократ, «спартаковец» П. Леви, приступила к изданию собственного печатного органа — журнала «Новый Интернационал».

Прогремела Февральская революция. Сокольников возвращается в Россию в числе первых вместе с Лениным в т. п. запломбированном вагоне. Слухи о начатой травле и угрозах Временного правительства объявить государственными изменниками политэмигрантов, решивших воспользоваться единственно возможным путем возвращения из Швейцарии

¹⁴ Автобиография, ст. 76.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20, с. 334, 354; Мордкович И. Парижские впечатления (Из воспоминаний о жизни большевиков-эмигрантов в Париже в 1911-1913 гг.). В кв.; Старый большевик. Сб. № 1(14). М. 1933, с. 133.

¹⁶ Попов А. (Воробьев П.) Страничка воспоминаний о работе в «Междурайонке». — Пролетарская революция, 1923. Л& 10(22), с. 103; Гильбо А. Владимир Ильич Ленин. Описание его жизни. Изд. 3-е. Л. 1924, с. 129-131.

на Родину через территорию Германии, заставляли предполагать возможность ареста на границе. В поезде по дороге между Стокгольмом и Халландом, по предложению Владимира Ильича, большевики условливались, как держать себя на допросах. «Каждый дает о себе личные сведения,— значит в протоколе их собрания.— О политической стороне поездки показания дает только комиссия из 5 лиц (т. Ленин, Миха Цхакая, Надежда Константиновна, Зиновьев, Сокольников)»¹⁷. К счастью, опасения не оправдались. Поздним вечером 3 апреля на Финляндском вокзале в Петрограде Ленина и его спутников встречали тысячи рабочих, революционных солдат и матросов, представители Петроградского Совета. «На перроне,— вспоминала Крупская,— стоял почетный караул, мимо которого провели Ильича и всю нашу эмигрантскую братию, потом нас посадили в автомобили, а Ильича поставили на броневик и повезли к дому Кшесинской. «Да здравствует социалистическая мировая революция!» — бросал Ильич в окружавшую многотысячную толпу»¹⁸.

Сокольников возвращается в московскую большевистскую организацию и сразу же становится одним из активнейших ее работников. Решительно поддержав Апрельские тезисы Ленина, он участвует в VII Всероссийской партконференции. Его вводят в МК РСДРП (б) и большевистскую фракцию Исполкома Моссовета, избирают в узкий состав Московского областного бюро РСДРП (б), руководившего деятельностью партийных организаций 13 губерний Центрального промышленного района. По линии бюро Сокольникову приходится выезжать и в провинцию. В мае при его ближайшем участии создан Нижегородский окружной комитет РСДРП (б). Как отмечал секретарь Канавинского комитета партии Я. З. Воробьев, «с помощью тов. Сокольникова организация определилась и меньшевики вышли из нее»¹⁹. Во время другой агитационной поездки, в Кинешму, Григория Яковлевича как «агента Ленина» арестовали контрреволюционно настроенные офицеры; его освободили солдаты расквартированной в городе запасной части.

Во время июльских событий в Петрограде, положивших конец двоевластию в стране, Сокольников решительно высказывался против ошибочного предложения некоторых московских большевиков о выходе из Совета. Он участвовал в расширенном совещании ЦК РСДРП (б), нелегально проходившем в Петрограде 13—14 июля, на котором обсуждалась тактика партии в новых условиях и рассматривался вопрос о явке Ленина и Зиновьева на суд Временного правительства. На состоявшейся через неделю 2-й Московской областной партконференции, выступая с одним из главных докладов «Политический момент и задачи социал-демократии», Сокольников полностью поддержал ленинскую идею о необходимости временного снятия лозунга «Вся власть Советам!». «Революция не остановилась,— уверенно заявил он,— не разбита, она идет вперед, несмотря на то, что вожди пролетариата в лице меньшевиков и социалстов-революционеров изменили революции»²⁰.

На VI партийном съезде, открывшемся 26 июля, Григорий Яковлевич дважды выступал в прениях по докладу Сталина о международном положении и, включенный в состав редакционной комиссии вместе с другими видными большевиками, участвовал в выработке важнейшей резолюции «О политическом положении». На съезде его избрали членом ЦК РСДРП (б), причем кандидатуру Сокольникова выдвинули делегации

¹⁷ Крутикова Н. На крутом повороте. М. 1965, с. 85-86.

¹⁸ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1984, с. 442.

¹⁹ Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июльская демонстрация. Док. и м-лы. М. 1959, с. 42, 119.

²⁰ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. Док. и м-лы. М. 1959, с. 150-152; Протоколы 2-й Московской областной конференции РСДРП (б) 3-5 августа (21-23 июля) 1917 г.-Пролетарская революция, 1929, № 12, с. 168.

сразу двух крупнейших большевистских центров — Москвы и Петрограда. На послесъездовском Пленуме Сокольников был избран в узкий состав ЦК и членом редакции ЦО партии — газеты «Рабочий и солдат», заменившей разгромленную в июльские дни «Правду». После закрытия Временным правительством и этой газеты Григорий Яковлевич последовательно редактировал выходившие в качестве ЦО РСДРП(б) газеты «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь» и, наконец, «Правду». В них он опубликовал ряд статей и передовиц, вел обзор печати. Как признавал в 1919 г. сам Сталин, «ответственными перед партией редакторами «Пролетария» и «Рабочего пути» были тогда члены ЦК Сталин и Сокольников, делившие между собой труд руководства центральным органом»²¹.

В предоктябрьский период Сокольников — активнейший участник всех важнейших этапов политической борьбы в столице. Он являлся членом Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, ЦИК Советов, официальным кандидатом ЦК РСДРП(б) в члены Учредительного собрания, делегатом Всероссийского Демократического совещания. Григорий Яковлевич по праву мог с гордостью писать о себе: «Принадлежал к тому большинству ЦК, которое вместе с Лениным голосовало за восстание и проводило его». 10 октября он участвовал в историческом заседании Центрального Комитета, принявшем 10 голосами против 2 ленинскую резолюцию о восстании. Вместе с Лениным, Зиновьевым, Каменевым, Троцким, Сталиным и Бубновым Сокольников избирается в Политическое бюро ЦК, созданное для политического руководства подготовкой восстания²². Заседание ЦК длилось всю ночь. А уже утром, выступая с докладом перед членами большевистской фракции открывавшегося в тот день съезда Советов Северной области, Сокольников заявил: «Наступил тот момент, когда необходимо вступить в бой за завоевание власти Советов в стране... Время общих разговоров о необходимости перехода власти к Советам прошло, наступило время практически поставить вопрос: как брать власть, где и когда начинать восстание, каким поводом лучше всего воспользоваться»²³.

14 октября Григорий Яковлевич участвовал во встрече Ленина с несколькими членами ЦК, на которой Владимир Ильич в очередной раз попытался переубедить противников вооруженного восстания — Каменева и Зиновьева²⁴. А вечером следующего дня, в воскресенье, вместе с лучшими большевистскими ораторами М. М. Володарским и А. В. Луначарским Сокольников выступал на грандиозном митинге в цирке «Модерн». «С пяти часов на улице стоял хвост,— писала газета.— Часть публики не могла попасть в помещение, переполненное сверху донизу. Этому небывалому стечению народа соответствовал и необычайный подъем настроения». В единогласно принятой на митинге резолюции говорилось: «Мы заявляем, что все до последнего человека и до последних наших сил будем отстаивать переход всей власти к Советам, к рабочим, солдатам и крестьянам. В этом единственный путь к миру, земле и свободе, единственный путь спасения революции»²⁵.

Ленинскую резолюцию о восстании Сокольников решительно отстаивал и на расширенном заседании ЦК 16 октября. «Возражения Каменева лишены убедительности,— подчеркивал он.—...Более благоприятного соотношения сил ожидать нельзя». 22 октября в «День Петроградского Совета», ознаменованного многочисленными митингами и собраниями, проходившими под большевистскими лозунгами по всему городу, Соколь-

²¹ Вопросы истории КПСС. 1965, № 11, с. 89; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917-февраль 1918. М. 1958, с. 4, 6; Правда, 14.11.1919.

²² Автобиография, ст. 78; Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 80.

²³ Бр е с л а в Б. Канун Октября 1917 г. М. 1934, с. 20—21.

²⁴ Я л а в а Г. Кочегар поезда № 71.—Красная летопись. 1934, № 1(58), с. 93.

²⁵ Рабочий путь, 30.X.1917.

ников вместе с А. М. Коллонтай выступал на Московской заставе в театре завода Речкина. В этот день в газете «Рабочий путь» была напечатана написанная им боевая по духу передовая статья «Флаг поднят». Примечательно, что Сталин в соответствии со своей приверженностью в те дни к оборонительно-выжидательной тактике выбросил из статьи Сокольников ее концовку с призывом к восстанию²⁶.

24 октября Временное правительство перешло в наступление. На рассвете отряд юнкеров разгромил типографию газеты «Рабочий путь», конфисковав 8 тыс. отпечатанных номеров. Был отдан приказ о закрытии большевистских газет и аресте членов Военно-революционного комитета. Из пригородов подтягивались верные правительству войска. Сокольников, как и Сталин, не присутствовал на утреннем заседании Центрального Комитета, которое постановило, что в течение дня ни один из его членов не имеет права без особого разрешения ЦК покинуть Смольный. Можно предположить, что первую половину дня он был занят возобновлением работы типографии, из которой к 11 час. утра с помощью войск ВРК удалось выдворить наряд буржуазной милиции. После прибытия поздним вечером в Смольный Ленина с колебаниями было покончено и восстание стало стремительно развиваться. «Предстояла бурная ночь,— вспоминал Григорий Яковлевич.— На несколько кратких часов Владимир Ильич прилегал отдохнуть в пустой комнате, куда его привели. В ней было несколько стульев и пара столов. На полу в одном из углов были груды навалены газеты, кипы листовок. Из этих газет смастерили Ленину постель. В другом углу на такой же «газетной постели» примостился пишущий эти строки. Было холодно. Пришлось сверх пальто укрыться широкими газетными листами»²⁷.

Всю ночь продолжался планомерный захват стратегических пунктов города отрядами красногвардейцев, революционных солдат и матросов. Крупская, со слов Бубнова, сообщала, что была выделена особая тройка — Свердлов, Бубнов, Сокольников, которой поручалось следить за вокзалами и мостами. По свидетельству большевика С. Г. Уралова, Григорий Яковлевич участвовал и в важном оперативном совещании, проведенном Лениным с несколькими членами ЦК ранним утром 25 октября. «Ленин быстро приблизился к простому маленькому столику, на котором ничего не было,— вспоминал Уралов,— за ним вошло еще несколько человек. Среди них, насколько помню, были, кажется, Сталин, Каменев, Сокольников и др., всего человек 7; некоторые из них разместились на подоконнике, кто-то стоял позади Ильича, один напротив, опершись коленкой о стул. Заходившие в комнату товарищи даже не замечали, что тут происходит историческое заседание. Подойдя к столу и быстро сев на простой венский стул, Ленин также быстро, без всяких вступлений и предисловий, начал излагать программу действий: «Временное правительство объявить низвергнутым», «всю власть объявить переданной Советам», «Съезд Советов открыть сегодня вечером», «Зимний дворец взять, министров арестовать и посадить в Петропавловку» и что-то еще, не помню. Помню, что решения эти голосовались»²⁸.

Находясь в штабе революции, Сокольников участвовал в работе II Всероссийского съезда Советов, на котором в числе 62 большевиков был избран членом ВЦИК нового состава. При формировании Совета Народных Комиссаров Ленин предполагал назначить Сокольникова редактором правительственного печатного органа²⁹. Однако, учитывая напря-

²⁶ Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 101-102; Рабочий путь, 4.XI.1917; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М. 1964, с. 479.

²⁷ Сокольников Г. Ленин в Октябре. В кн.: Ленин в первые месяцы Советской власти. М. 1933, с. 42.

²⁸ Уралов С. Страничка Октября,- Пролетарская революция, 1924, № 10, с. 277.

²⁹ Ленинский сборник XXI, с. 91.

женную и ответственную работу, которую тот нес в «Правде» и в ЦК, редактором «Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» был утвержден Зиновьев. На заседании ЦК 29 ноября отмечалось, что все члены редколлегии «Правды» отошли от литературной работы и партийный орган «de facto редактирует один тов. Сокольников, занятый банковской работой»; ЦК утвердил новый состав редакции: Сокольников, Сталин, Бухарин и Троцкий. «Передовицы,— вспоминал старый правдист М. А. Савельев,— почти все были написаны товарищами Бухариным и Сокольниковым, которые являлись как бы живым звеном связи с Исполнит. Комитетом Советов и с ЦК. Работали они... с упоением. Шпарили другой раз по две и даже более статей за вечер (и к утреннему и к вечернему выпуску). Статьи шли без подписи за счет редакции»³⁰.

Помимо «Правды», Сокольникову и Бухарину поручалось вести работу в бюро большевистской фракции Учредительного собрания. В связи с намечавшимся переездом правительства в Москву, 9 января 1918 г. Центральный Комитет на своем заседании избрал бюро ЦК в Москве в составе Ленина, Свердлова, Сокольникова, Сталина и Троцкого, а также утвердил редакцию ЦО РСДРП (б) в составе Сокольникова и Сталина. Громадный авторитет Григория Яковлевича в руководстве партии и в широких партийных кругах в послеоктябрьский период очевиден. В марте на VII съезде РКП (б) при избрании Центрального Комитета за него было подано столько же голосов, сколько за Бухарина, Н. Н. Крестинского и Сталина. По результатам выборов он вошел в восьмерку наиболее популярных деятелей большевистской партии, включавшую, помимо вышеназванных, Ленина, Троцкого, Свердлова и Зиновьева³¹.

Несмотря на большую загруженность партийной работой, Сокольников одновременно принимал деятельнейшее участие в проведении финансовой политики Советской власти, стоял у ее истоков. Еще в ноябре 1917 г. утвержденный членом Совета Государственного банка, он участвовал в революционном его захвате и реорганизации. 9 декабря 1917 г. Ленин подписал приказ о назначении Сокольникова помощником комиссара Госбанка на правах товарища управляющего. Именно ему поручил Владимир Ильич подготовить проект декрета о национализации частных банков, объявлявшего банковское дело монополией Советского государства. Как вспоминал ответственный работник Наркомфина Д. П. Боголепов, декрет «был проведен, помимо народного комиссара по финансовым делам (В. Р. Менжинского.— В. Г.), па особом частном заседании, которое состоялось в Совнаркоме... Главным инициатором этой меры был тов. Сокольников, который был назначен комиссаром над частными банками». 14 декабря 1917 г. по докладу Григория Яковлевича декрет принял ВЦИК. В ответ на прозвучавшие на заседания ВЦИК обвинения, что Совнарком «подходит к разрешению сложных финансовых вопросов с топором и пилой», выступивший в прениях Ленин, но свидетельству кадетской газеты «Наш Век», в частности, заметил, что докладчик «Сокольников — очень компетентное в финансовых вопросах лицо, с большой практикой и имеющее даже по этому вопросу научные труды»³².

Сокольников возглавлял существовавший непродолжительное время Комиссариат бывших частных банков, входил в коллегию Наркомфина и бюро Высшего Совета Народного Хозяйства первых составов. Избранный в мае членом Президиума ВСНХ, на I Всероссийском съезде Советов Народного Хозяйства он выступил с докладом об основах финансо-

³⁰ Протоколы ЦК РСДРП (б), с. 151; Савельев М. А. Октябрьская «Правда». - Десять лет «Правды» (1912-1922). Илл. прил. к № 98, 5.V.1922.

³¹ Протоколы ЦК РСДРП (б), с. 166; Седьмой экстренный съезд РКП (б) Март 1918 г. Стеногр. отч. М. 1962, с. 170.

³² Правда, 10.XII.1917; Декреты Октябрьской революции. М. 1933, с. 257; Боголепов Д. Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции.— Пролетарская революция, 1925, № 4(39), с. 166; Наш век, 15.XII.1917.

вой политики в переходный период, причем возражал против тогда еще только намечавшегося и получившего свое наибольшее развитие в эпоху «военного коммунизма» курса на полное аннулирование денег³³. Уже весной 1918 г. Сокольниковым были написаны брошюра «К вопросу о национализации банков» и ряд статей по финансовым вопросам.

Заметную роль сыграл Григорий Яковлевич в осуществлении мирной политики Советского государства. Как член ВЦИК он участвовал еще в самой первой, возглавлявшейся А. А. Иоффе, мирной делегации, направленной 17 ноября 1917 г. в Брест-Литовск для переговоров с германским командованием о перемирии. Позже, в период острейших дискуссий в партии и в ЦК по вопросу о мире, Сокольников без колебаний шел за Лениным. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний ЦК, об этом же писала Крупская. И все же одно дело — теоретически признавать необходимость заключения мира даже на кабальных немецких условиях, и совсем другое — поставить собственную подпись под «несчастливым, безмерно тяжелым, бесконечно унижительным миром»³⁴. По предложению Свердлова именно Сокольников был назначен председателем мирной делегации, которой предстояло выполнить эту неприятную процедуру. Ехать в Брест ему очень не хотелось, и тем не менее, преодолев себя, Григорий Яковлевич подчинился решению Центрального Комитета.

25 февраля в 1 час ночи делегация, включавшая Сокольникова, Г. И. Петровского, Г. В. Чичерина, Л. М. Карахана (секретарь) и А. А. Иоффе (консультант), а также военных экспертов и технический персонал, специальным поездом выехала в Брест. Путешествие было нелегким. Доехать до Пскова не удалось: пути были забиты воинскими эшелонами, впереди — взорванный мост. Так как срок германского ультиматума истекал, Сокольников и Петровский в сопровождении трех матросов отправились дальше на дрезине. Последние шесть верст до Пскова им пришлось проделать пешком, ибо железнодорожный путь был минирован. Поздним вечером в кромешной тьме Сокольников и его спутники подошли к городу. Первый попавшийся навстречу немецкий патруль отвел их в ближайшую караулку. Для командования германских передовых частей, не осведомленных о возобновлении переговоров, появление русской делегации, да еще столь странным образом, стало полнейшей неожиданностью.

На следующий день в Псков на крестьянских санях приехала остальная часть мирной делегации. Уже вскоре возле гостиницы собралась возбужденная городская толпа, среди которой гулял провокационный слух, что из Петрограда в Берлин бегут члены Советского правительства. Улица гудела от враждебных выкриков и ругательств. Несколько человек, ворвавшись в комнату Карахана, принятого за Троцкого, были не без труда извлечены оттуда немецким караулом. Отъезд делегации из Пскова сопровождался угрозами и проклятиями в адрес «изменников». Однако и на этом мытарства не кончились. Посланный за ними из Двинска поезд задерживался, и советским дипломатам пришлось провести ночь на чемоданах в железнодорожной будке, ночлег в которой они разделили с баварскими саперами, несшими караульную службу³⁵.

Условия мира, предъявленные в Бресте, оказались еще более ухудшенными благодаря включению в них новых, турецких требований. Германская сторона заявила, что до подписания договора военные действия будут продолжаться. В этой ситуации советская делегация приняла решение немедленно подписать мирный договор без всякого обсуждения его грабительских, насильственно навязанных условий. «Мы ни на минуту не сомневаемся,— заявил Сокольников,— что это торжество империали-

³³ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Т. 1. М. 1925, с. 32.

³⁴ Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 173, 190-191, 194-195, 204, 214; Крупская Н. К. Ук. соч., с. 508; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 382.

³⁵ Сокольников Г. Брестский мир. М., 1920; изд. 2-е, М. 1928.

лизма и милитаризма над международной пролетарской революцией окажется лишь временным и преходящим. Предоставленное только своим собственным силам, Советское правительство Российской республики не в состоянии противостоять вооруженному наступлению германского империализма и во имя спасения революционной России вынуждено принять предъявленные ему условия»³⁶.

В мае 1918 г. в связи с обострением отношений с Германией и продвижением немецких войск к Воронежу и Царицыну Сокольников, ранее решительно поддерживавший Ленина, занял ошибочную позицию. Считая передышку, данную Брестским миром, законченной, он предлагал приступить к немедленной подготовке боевых действий и настаивал на необходимости «заключить военное соглашение с англо-французской коалицией на предмет военной кооперации на определенных условиях»³⁷. При обсуждении в ЦК «Проекта тезисов о современном политическом положении» Ленина и резолюции, предложенной Сокольниковым, последняя большинством голосов была отвергнута: четыре члена ЦК проголосовали против, один (Сталин) воздержался. Невзирая на определенные тактические разногласия на заседании ЦК 18 мая, Григорий Яковлевич был утвержден членом редколлегии «Правды». А в начале июня его вместе с Бухариным и Ю. Лариным командировали в Берлин для проведения переговоров о заключении экономического соглашения с Германией. «Сокольников — ценнейший работник, — писал Ленин советскому полпреду Иоффе, — но иногда (и как раз теперь) на него «находит» и он «бьет посуду» из-за парадоксов»³⁸. После убийства левыми эсерами германского посла графа Мирбаха переговоры были прерваны, и Григорий Яковлевич вернулся в Москву. Встретившись с Владимиром Ильичем, он проинформировал его о росте революционного движения в Германии.

Между тем в России все жарче разгоралось пламя гражданской войны. К концу лета три четверти территории Советской республики оказались в руках контрреволюции. Особенно тяжелое положение сложилось на востоке. Из членов ЦК РКП (б), избранных на VII партийном съезде, на ответственную военную работу, помимо Троцкого, были уже переведены М. М. Лашевич, И. Т. Смилга и Сталин. Возвратившийся из-за границы Сокольников в начале сентября назначается членом Реввоенсовета 2-й армии Восточного фронта. Ее основная задача — ликвидировать эсерово-белогвардейский мятеж, охвативший районы Ижевска и Воткинска, не допустить соединения мятежников с войсками белочехов и «учредилловцев». При ближайшем участии Сокольникова из полупартизанских частей и отрядов Вятской группы войск, которая, по свидетельству командарма-2 В. И. Шорина, находилась в крайне дезорганизованном состоянии и была близка к полному развалу³⁹, формируется Особая Вятская дивизия. «Формирование дивизии, — писал Григорий Яковлевич, — шло вперемешку с боями, которые в лесистом камском предгорье сводились к ожесточенной борьбе за татарские деревушки, подвергавшиеся дневным и ночным налетам. Линия фронта только условно могла именоваться линией: отдельные части с трудом поддерживали между собой связь, и нередко в одном районе красные роты были в тылу белых, в то время как в другом районе белые оказывались в тылу красных. Иногда «фронт» передвигался на сорок верст вперед, а за ночь на семьдесят верст назад»⁴⁰.

³⁶ Седьмой Экстренный съезд РКП (б), с. 287 (Декларация, оглашенная русской мирной делегацией на заседании мирной конференции в Брест-Литовске 3 марта 1918 г.).

³⁷ Ленинский сборник XI, с. 77-79, 85-89.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50, с. 88.

³⁹ Шорин В. Борьба за Урал (Из боевой жизни 2-й армии). В кн.: Гражданская война 1918-1921. Т. 1. М. 1928, с. 137-138.

⁴⁰ Автобиография, ст. 81.

Старый большевик С. И. Гусев, также являвшийся членом Реввоенсовета 2-й армии, сообщая в ЦК РКП(б), что в связи с недостатком комсостава политкомам нередко приходится брать командование на себя, в качестве примера называл Сокольников. Рядовой участник тех далеких событий М. А. Мухин в своих воспоминаниях отмечал, что члену РВС пришлось провести серьезную реорганизацию в войсках, чтобы подготовить их к успешной борьбе за Воткинск. Находясь значительное время в боевых порядках войск, он не забывал о политической работе среди бойцов и местного населения, заботился о доставке на фронт литературы и газет. «Член РВС долго и доверительно беседовал с нами,— вспоминал Мухин.— Я в то время был очень молод и с тех пор прошло более полувека, но сказанное товарищем Сокольниковым не стерлось в моей памяти». Преодолев ожесточенное сопротивление белых, в ночь на 13 ноября Особая Вятская дивизия освободила Воткинск. «За голову комиссара второй армии тов. Сокольникова ижевские белогвардейцы обещают 40 000 р.,— писала «Правда».— Это мало, в сравнении с тем злом, которое принес тов. Сокольников белогвардейцам Ижевска и Воткинска»

26 ноября на Пленуме ЦК РКП(б) было принято решение об укреплении Южного фронта, признанного теперь для Республики главным. Приехавший в Москву Сокольников назначается членом Реввоенсовета фронта и одновременно Реввоенсовета 9-й армии. Вместе с нею он участвовал в победоносных боях с белоказаками генерала Краснова, освобождении Донской области и северных районов Донбасса. Интересно, что уже в январе 1919 г. Сталин и Ф. Э. Дзержинский, командированные в Вятку для расследования причин отступления 3-й армии, в посланном Ленину «Кратком предварительном отчете» в качестве одной из неотложных мер предлагали заменить прежнего члена РВС этой армии «Сокольниковым или кем-либо другим типа Сокольникова»¹².

А на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. Григорий Яковлевич по поручению ЦК выступил с докладом о военном положении и военной политике партии; он говорил о необходимости покончить с методами добровольческого периода строительства Красной Армии, с партизанщиной, о необходимости создать централизованную регулярную армию с железной дисциплиной (еще 29 мая 1918 г. по докладу Сокольникова ВЦИК принял постановление, положившее начало переходу от добровольческого принципа набора армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейшего крестьянства). Председательствуя на съезде на заседаниях военной секции, Сокольников решительно и непримиримо боролся против ошибочных взглядов «военной оппозиции» (А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, Ф. И. Голощекин, С. К. Минин, А. Ф. Мясников, Г. Л. Пятаков, Г. И. Сафаров, В. М. Смирнов, Н. Г. Толмачев, Е. Ярославский и др.), которая по существу требовала ввести коллективное управление войсками и возражала против назначения военных специалистов на командные посты. Характерно, что Ленин, касаясь в своей речи одного из пунктов нового «Устава внутренней службы», ставшего предметом яростных споров, заметил: «Если тов. Сокольников говорит, что его нужно исправить, то нет никакого сомнения, что это необходимо»⁴³. Владимир Ильич и в этом вопросе доверял Сокольникову, считая его знающим военным работником.

В середине марта 1919 г. в тылу Южного фронта вспыхнул антисоветский мятеж, поднятый казачеством верхнедонских станиц. «Восстание в Вешенском районе,— отмечал Григорий Яковлевич,— началось

⁴¹ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Август - октябрь 1918 г. Сб. док. Т. IV. М. 1969, с. 468; Мухин М. А. Отряд комиссара Журавлева. В кн.: От Зимнего до Перекопа. Сборник воспоминаний. М. 1978 с. 143-145; Правда, 29.XI.1918.

⁴² Автобиография, ст. 82; Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Январь - март 1919 г. Сб. док. Т. VI. М. 1971, с. 183.

⁴³ Ленинский сборник XXXVII, с. 135.

на почве применения военно-политическими инстанциями армии и революционными массового террора по отношению к казакам, восставшим против Краснова и открывшим фронт Советской власти»⁴⁴. Преступная линия «расказачивания», проводившаяся местными советскими органами, и колебания середняцких слоев казачества привели к восстанию, сыгравшему поистине роковую роль в последующих поражениях и тяжелом отступлении войск фронта в июне — июле.

Еще находясь в Москве, Сокольников настойчиво призывал уделить особое внимание отношению Советской власти к среднему крестьянству. В статье «Чего не делать», напечатанной в «Правде» 20 марта, он отмечал, что, несмотря на все предупреждения, отбирают инвентарь и скот более зажиточных и лучше оборудованных крестьянских хозяйств. На практике от насильственной экспроприации крупной буржуазной собственности незаметно перешли к экспроприации собственности вообще. «В обильном количестве приставшие к партии мещанские элементы, — с гневом и возмущением писал Сокольников, — не могли не извратить революционного коммунизма, превращавшегося ими в «революционный» идиотизм, но имеющий ничего общего с политикой сознательного пролетариата, а целиком выражающий собой идеологическую неразбериху сбившихся с панталыку мещан». Указывая, что ликвидация индивидуального хозяйства произойдет добровольно и постепенно, Сокольников предупреждал, что «ухабы «коммунистической» практики» внушили мелкому собственнику, середняку «глубочайшее недоверие и страх по отношению к коммунизму». «Нейтралитет (если даже не активная поддержка) этого середняка, — подчеркивал Григорий Яковлевич, — может быть вполне обеспечен рабочему классу при правильной коммунистической политике: тогда дальнейшее будущее коммунизма обеспечено... Зло может быть захвачено в самом начале. И с сознанием того, что дело идет об основном вопросе пролетарской революции в России, съезд коммунистической партии должен указать всем членам партии, всем революционным работникам — чего не делать»⁴⁵.

По докладу Сокольникова еще 16 марта ЦК РКП(б) решил приостановить действие январского циркулярного письма Оргбюро ЦК, в котором давалась ошибочная директива о применении репрессивных мер против всех казаков, участвовавших в антисоветских выступлениях. ЦК постановил проводить среди казачества политику расслоения, изоляции контрреволюционной верхушки от широких масс трудового казачества⁴⁶. Приказ Реввоенсовета Южного фронта от 7 апреля, подписанный И. И. Ходоровским и Сокольниковым, требовал «во изменение прежних постановлений в отношении общей политики Донской области руководствоваться следующим: самым беспощадным образом подавлять попытки мятежа в тылу, в то же время по отношению мирных районов не прибегать к массовому террору, преследовать только активных контрреволюционеров, не предпринимать мер, могущих остановить разложение казачества», «беспощадно карать всех должностных советских лиц, виновных в злоупотреблениях»⁴⁷.

С апреля по начало августа фамилия члена РВС Сокольникова стоит почти под всеми приказами командующего Южным фронтом, сначала В. М. Гиттиса, а затем сменившего его В. Н. Егорьева. В этот период Ленин поддерживает с ним постоянную связь. Для руководства боевыми действиями против восставших казаков в середине мая Сокольников

⁴⁴ Цит. по: Бирюков Ф. Художественные открытия Михаила Шолохова. М. 1980, с. 70.

⁴⁵ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Т. 1, с. 69—71.

⁴⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 2. М. 1968 с. 357

⁴⁷ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Апрель - май 1919 г, Сб. док. Т. VII. М. 1972, с. 508-509.

выехал в район расположения выдвинутых против них экспедиционных войск. Владимир Ильич, внимательно следивший за ходом ликвидации «вешенского мятежа», требовал энергичных мер и подробных сообщений от РВС фронта. 20 мая он писал Сокольникову: «После наступления на Питер для нас подавление восстания, самое беспощадное, немедленное *coute que coute* (во что бы то ни стало.— В. Г.) абсолютная необходимость. Очень прошу не отвлекаться от этого и извещать шифром 2 раза в неделю — я буду настаивать на посылке Вам требуемого, как настоял и сегодня на дополнительной телеграмме о *(трижды уже заказанной)* посылке Вам коммунистов из Воронежской и Тамбовской губерний. Кончайте во что бы то ни стало скорее с восстанием! Ваш Ленин»⁴⁸.

В условиях начавшегося в конце мая 1919 г. наступления Деникина справиться с восставшими казаками, силы которых доходили до 30 тыс. штыков и сабель, не удалось. Несмотря на взятие частями Красной Армии главных центров восстания — станиц Вешенской и Мигулинской, 7 июня конница генерала Секретева, прорвав фронт, соединилась с мятежниками. Обескровленные непрерывными жестокими боями с превосходящими силами противника, красные войска отступали. Стоит отметить, что именно Сокольников был главным инициатором возвращения на Южный фронт популярного среди красного казачества бывшего начальника-23 Ф. К. Миронова, которому Реввоенсовет поручил формирование Донского казачьего кавалерийского корпуса. Ленин не зря называл Миронова «крестником Сокольникова»⁴⁹.

Григорий Яковлевич активно участвовал в подготовке и проведении августовского контрнаступления Южного фронта, на ход которого отрицательно повлиял рейд конного корпуса генерала Мамонтова. «Во время мамонтовского рейда по тылам красных армий Южного фронта,— отмечал Сокольников в автобиографии,— был направлен в ревсовет 8-й армии в Воронеж. Принимал участие в наступлении 8-й и 13-й армий на Харьков, которое, удавшись как демонстрация (разъезды 8-й армии были в двух десятках верст от Харькова), оттянувшая на себя силы противника, поставило однако вынужденную затем отступить 8-ю армию в крайне затруднительное положение. Окруженная с трех сторон, а иногда и отрезанная со всех сторон, армия (под командованием бывшего подполковника А. И. Ратайского.— В. Г.) отходила от Волчанска к Воронежу, изредка с трудом сносась с соседней 13-й армией и фронтовым командованием по радио и при помощи аэропланов. Налеты мамонтовских частей на тылы армии действовали дезорганизуя и деморализуя. К этому периоду относится захват в плен мамонтовским разъездом члена Ревсовета 8-й армии Владимира Барышникова. Штаб армии кочевал с места на место, всегда рискуя быть захваченным врасплох; часть работников штаба дезертировала, а некоторые перебежали к белым. В этих условиях был назначен командующим армией»⁵⁰.

Назначение командармом человека, не имевшего за плечами даже курса военного училища, не могло не вызвать возражений у некоторых фронтовых работников. Тем не менее 26 октября кандидатура Сокольникова была утверждена на заседаниях Реввоенсовета Республики и Политбюро ЦК РКП(б). «В критический момент битвы за Воронеж он был поставлен во главе 8-й армии единоначальником, без Реввоенсовета,— отмечал ветеран гражданской войны, бывший комиссар 12-й дивизии, а затем оперотдела штаба армии И. А. Чуев.— Этот первый опыт в истории Красной Армии оказался удачным. Г. Я. Сокольников в короткий срок навел порядок в 8-й армии, повысил боеготовность ее войск

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50, с. 315-316.

⁴⁹ Там же. Т. 51, с. 40.

⁵⁰ Автобиография, ст. 84.

и обеспечил успешное проведение крупнейших наступательных операций вплоть до разгрома деникинщины»⁵¹.

Отличившись в боях за Воронеж, 8-я армия в начавшемся во второй половине ноября наступлении войск Южного фронта, действуя на донбасском направлении, освободила города Бобров, Бирюч, Богучар, Павловск и мн. др. «Восьмой армией, одной из лучших,— заявил в декабре на VII Всероссийском съезде Советов председатель Реввоенсовета Республики Троцкий,—командует тов. Сокольников, которого мы знали в свое время как члена ЦК партии, как прекрасного журналиста и оратора, но вполне штатского. Теперь он командует армией, и ... по отзывам главнокомандующего хорошо командует»⁵². Говоря о коммунистах, посланных на фронт для политической работы в войсках и несмотря на отсутствие военного образования, благодаря личным качествам занявших крайне ответственные командные посты Троцкий, который, кстати сказать, мало о ком отзывался лестно, в качестве примера назвал командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе и командарма-8 Сокольников.

В ходе Донбасской операции 24 декабря 1919 г. в результате упорных боев 8-й армией был освобожден Луганск, а 8 января 1920 г. совместно с Первой Конной — Ростов. К этому времени относится резкое охлаждение отношений между Реввоенсоветом Конармии и Сокольниковым. По свидетельству Г. К. Орджоникидзе. Григорий Яковлевич считал, что «конармия разложилась и что со стороны ее можно ожидать очень много неприятностей». «В этом духе,— писал Орджоникидзе уже после гражданской войны,— была информирована Москва. В этом же духе сообщала Владимиру Ильичу Фотиева, ездившая в Ростов. Надо сказать, что конармия по занятии Ростова изрядно пограбила его... Отношение комфронта тов. Шорина было также резко отрицательное». Сталин, утверждая, что Сокольников «создал вокруг Конармии атмосферу вражды и злобы»⁵³, настаивал в феврале на его незамедлительной отставке и оказывал в этом направлении усиленное давление на Ленина, нового комфронта М. Н. Тухачевского и нового члена Реввоенсовета фронта Орджоникидзе. Однако его старания не увенчались успехом. 8-я армия под командованием Сокольников успешно действовала в Тихорецкой и Кубано-Новороссийской операциях. 29 февраля, разгромив в жестоком бою Марковскую белогвардейскую дивизию, части армии освободили Батайск, Кайсуг и Корневскую. Сопротивление противника было сломлено. В марте стремительное наступление красных войск продолжалось. Деморализованные белогвардейцы отходили на юг. Свой боевой путь 8-я армия завершила освобождением Новороссийска.

В приказе Реввоенсовета Республики № 150 от 12 апреля 1920 г. говорилось, что командарм-8 Сокольников награждается орденом Красного Знамени «за блестящее руководство в бытность членом Р. В. С. 2 армии, в октябре и ноябре 1918 года, наступлением особого отряда на Воткинский и Ижевский заводы с севера, завершившимся полным разгромом превосходных сил противника; за неутомимую боевую работу и выдающееся мужество, проявленные им в качестве члена Р. В. С. Южного фронта, в трудные дни отхода армий от Черного моря на север летом 1919 года и за выдающееся единоличное командование войсками 8-й армии, приняв которую в октябре 1919 года, в момент окружения ее конницей Мамонтова, он воодушевил войска, стойко выдержал натиск

⁵¹ Ч у е в И. А. За родную власть. В кн.: Разгром Деникина. Сборник воспоминаний. М. 1969, с. 160.

⁵² Седьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (5-9 декабря 1919 г.). Стеногр. отч. М. 1920, с. 88.

⁵³ Цит. по: С е й р а н я н Ф. Г. Г. К. Орджоникидзе на фронтах гражданской войны. Тбилиси, 1977, с. 148; Б у д е н н ы й С. М. Пройденный путь, М. 1958, с. 405.

врага и, перейдя в решительное наступление, одержал ряд побед под Бобровом, Павловском, Старобельском и др.»⁵⁴.

В связи с полным разгромом Деникина и расформированием 8-й армии Сокольников выехал в Москву. Снова работа членом редколлегии «Правды», в МК, чтение лекций по политэкономии в высшей партийной школе, бесчисленные выступления на митингах и собраниях, участие во II конгрессе Коминтерна. И все же душой он рвался на врангелевский фронт. Даже Сталин просил прислать его к нему, на Юго-Западный, бить белополяков⁵⁵. ЦК распорядился иначе. 18 августа 1920 г. «Правда» сообщала: «В Туркестан направлены свежие партийные силы: туркестанская комиссия Совнаркома (в составе тт. Сокольников, Сафарова, Петерса и Кагановича) выехала в Ташкент, куда направляются также около 150 чел. мобилизованных парт. работников. Задачей комиссии является сломить «средостения», удерживающиеся между трудящимися массами Сов. России и Туркестана, и установить прочный их союз, ликвидировав остатки авантюристского бандитизма и экономическую кабалу и бесправие мусульманской бедноты».

Военное положение в Туркестане было сложным. Только в Фергане действовало около 30 тыс. басмачей. Крайне воинственно вел себя поддерживаемый англичанами бухарский эмир, который в июле 1920 г. призвал своих подданных к «священной» войне с большевиками. Сокольников приехал в Ташкент в качестве председателя Туркбюро ЦК РКП (б) и Турккомиссии ВЦИК и Совнаркома. Кроме того, 10 сентября он принял у уезжавшего Фрунзе командование войсками Туркфронта. Как много значительнейших событий вместил этот короткий, длившийся всего несколько месяцев, «туркестанский» период его жизни! Народная революция в Бухаре и провозглашение Бухарской Советской Народной Республики. 5-й съезд Компартии Туркестана. Разработка новой конституции Туркеспублики, принятой IX Всетуркестанским съездом Советов. Проведение радикальных экономических реформ и важных политических мероприятий, которые во многом способствовали ослаблению басмаческого движения: денежная реформа, отмена продразверстки - «до отмены в общем масштабе», — отмечал Сокольников в автобиографии⁵⁶ — и замена ее продналогом, отмена всеобщей трудовой повинности, разрешение свободной торговли на базарах, освобождение из тюрем мулл, заявивших о своей политической лояльности, коренизация государственного аппарата, возвращение киргизам в Семиречье земель, захваченных у них русскими поселенцами, организация союзов бедноты «Кошчи» и т. д. Помимо этого, Сокольников руководил военными операциями войск Туркестанского фронта, и уже к концу 1920 г. почти вся территория Ферганы была очищена от басмачей.

В декабре Григорий Яковлевич приехал в Москву на VIII Всероссийский съезд Советов. В начавшейся дискуссии о профсоюзах он примкнул к «буферной» группе Бухарина, а затем подписал объединенную платформу Троцкого — Бухарина. Как отмечал Сокольников впоследствии, во время внутрипартийной дискуссии он полагал, что «основной подлежащей решению проблемой является не вопрос о профсоюзах, а вопрос о взаимоотношениях с крестьянством и о необходимых по отношению к крестьянству уступках»⁵⁷. Так или иначе, в развернувшейся дискуссии он занял неверную позицию, которую пытался безуспешно отстаивать.

Напряженнейшая работа, лишения и тяготы гражданской войны подорвали здоровье Сокольников. С начала 1921 г. он уже не мог прини-

⁵⁴ Красные герои, Пг., 1920, вып. 4, с. 35.

⁵⁵ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника (далее - В. И. Ленин Био-хроника). Т. 9, с. 108, 159.

⁵⁶ Автобиография, ст. 86.

⁵⁷ Там же.

мать активного участия в партийной деятельности, т. к. был прикован к постели. «Лежал у меня в больнице Гр. Як. Сокольников,—вспоминал заведовавший хирургическим отделением Солдатенковской (ныне им. С. П. Боткина) больницы проф. В. Н. Розанов.— Доставили его ко мне в довольно тяжелом состоянии, боли в правой почке и в правой ноге, повышенная температура. Приходилось делать довольно сложные исследования. Тов. Сокольников налаживался медленно, был слаб; через несколько дней он обращается ко мне с просьбой разрешить ему принять комиссию, которая приедет к нему сегодня, чтобы переговорить о каких-то важных государственных делах. Я запротестовал, но он настаивал, говоря, что это необходимо, что приедет и Вл. Ил. Пришлось уступить. Вл. Ил. скоро приехал, с ним еще несколько человек. Я встретил Вл. Ил. и сказал ему, что боюсь за Сокольникова, что эта комиссия принесет ему вред. Вл. Ил. на это: «да уж очень нужно срочно, а он хорошо знает Туркестан». После завершения разрешенной Розановым 35-минутной беседы Ленин подробно расспросил его о состоянии здоровья Григория Яковлевича и, уже простившись и направившись к выходу, вернулся и снова спросил: «А Сокольникова-то скоро выпустите?». Профессор ответил, что и сам не знает⁵⁸.

По настоянию Владимира Ильича Сокольников был отправлен на лечение в Германию, где его прооперировали. Когда в ноябре 1921 г. он вернулся в Москву, Ленин лично позаботился об обеспечении его питанием и одеждой, что было в те месяцы далеко не маловажным, потребовал «возложить па какое либо определенное лицо ответственность за наблюдение за исполнением режима Сокольниковым». Еще в октябре по просьбе членов ЦК Компартии Туркестана Политбюро заочно утвердило Григория Яковлевича председателем новых составов Туркбюро и Турккомиссии. Помимо того, Ленин предложил назначить его членом коллегии Наркомфина и Финансовой комиссии ЦК РКП(б) и Совнаркома «при условии, что он остается *председтуркестанбюро* и обязан *ездить* в Туркестан по надобности, впредь до полного упорядочения там»⁵⁹. Так Сокольников вернулся к финансовой работе, прерванной в 1918 г. гражданской войной.

Финансовое хозяйство Советской республики находилось в катастрофическом состоянии. «Денежный голод» удовлетворялся исключительно за счет безудержного неограниченного роста бумажно-денежной эмиссии — практически единственного источника покрытия громадного бюджетного дефицита. Покупательная способность совзнака стремительно падала: по сравнению с довоенным рубль обесценился в 50 тыс. раз. Гигантскими темпами росли цены. В этой неимоверно сложной ситуации Сокольников становится одним из главных «архитекторов» новой экономической политики в области финансов. В «Правде» одна за другой появляются его статьи: «Пролетарское хозяйство и организационная техника капитализма», «Денежное хозяйство», «О Государственном банке», «Конфискация и налог (Старые и новые методы)», «Купеческие» задачи пролетарского государства». Владимир Ильич высоко оценил брошюру Сокольникова «Государственный капитализм и новая финансовая политика», называл ее «очень удачной», а скорейшее ее опубликование считал «безусловно полезным». Примечательно, что в рецензии на брошюру, помещенной в журнале «Вестник финансов», говорилось, что ее следует рассматривать «как продолжение знаменитой брошюры В. Ленина «О продналоге», где читатель без труда найдет все, что составляет центральную идею автора». 31 декабря 1921 г. Политбюро рассмотрело вопрос о назначении Сокольникова первым заместителем наркома фи-

⁵⁸ Розанов В. Воспоминания о Владимире Ильиче.-Красная новь, 1924, 6(23), с. 153.

⁵⁹ В.И. Ленин. Биохроника. Т. 12, с. 83; Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 54. с. 111; т. 44, с. 252.

нансов⁶⁰. «Я за» — написал Ленин на письме наркома Крестинского, сообщавшего о своем согласии на кандидатуру Григория Яковлевича; 10 января 1922 г. последовало постановление Совнаркома. Так как Крестинский еще осенью был назначен полпредом в Германию, Сокольникову фактически предстояло возглавить Наркомфин. Ларин, постоянный оппонент Григория Яковлевича, с которым ему еще не раз придется вступать в острые дискуссии по основным проблемам финансовой политики, позже скажет, что нового руководителя Наркомфина отличают теоретическая подготовка, наличие «общего ума, воли и чутья к жизни»⁶¹. «Он понял, например, один из первых среди нас,— признавался Ларин в декабре 1922 г. на X Всероссийском съезде Советов,— всю важность вопроса денежного обращения после того, как была провозглашена отмена продразверстки и замена ее продналогом. Он понял также, что на этом нельзя остановиться и должно пойти дальше». Сокольников, по мнению Ларина, был «великолепно пригодным к выполнению специальной, поставленной перед ним задачи — стремиться к скорейшему оздоровлению государственного бюджета в России и достижению стабилизации рубля». «Тут можно быть уверенным,— шутил острослов Ларин,— что не только будет делаться то, что нужно делать, но что даже скорее он тут переусердствует, чем недоусердствует»⁶². (Любопытно, что Ларин в свое время предлагал проект резолюции об уничтожении денег.)

Ленин, говоривший, что над вопросом стабилизации рубля «работают лучшие наши силы»⁶³, несомненно, имел в виду в первую очередь Сокольникова. Председатель Совнаркома внимательно наблюдал за деятельностью нового главы советского финансового ведомства, часто с ним беседовал, давал советы и поправлял ошибки. В Полном собрании сочинений и в Ленинских сборниках опубликовано более 20 телефонограмм, писем и записок Владимира Ильича, адресованных лично Сокольникову и относящихся именно к периоду его работы в Наркомфине. «Я смертельно боюсь,— писал Ленин Григорию Яковлевичу 22 января 1922 г.— что Вы, фактически имеющий теперь вести важнейший наркомат, увлечетесь перестройками, реорганизациями, теоретической линией (есть у Вас на этот счет слабость) — вместо практики, практики и практики: торговлю поднять, налоги увеличить и собрать, рубль восстанавливать. Ей-ей, боюсь смертельно: не впадите Вы в эту слабость, а то мы крахнем».

В подготовленных к XI съезду РКП(б) тезисах «Основные положения финансовой программы» («Не дурны, но теоретичны»,—оценил их Ленин⁶⁴) Сокольников наметил главные направления финансовой политики. Во-первых, увеличение размеров товарооборота прежде всего через развитие торговли, внутренней и внешней, государственной, кооперативной и частной. Во-вторых, сокращение и затем ликвидация бюджетного дефицита, сбалансирование бюджета путем жесточайшего сокращения государственных расходов, урезки административного аппарата, перенесения значительной части расходов на менее дефицитный местный бюджет, а также путем всемерного увеличения поступлений государственных доходов, развития налоговой системы. В тезисах указывалось, что экономическая и финансовая политика Советского государства решительно ориентируется на восстановление золотого обеспечения денег, поскольку золото твердо остается мировыми деньгами. Особой задачей провозглашалось сокращение, а затем и прекращение бумажно-денежной эмиссии⁶⁵.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54, с. 90.

⁶¹ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 12, с. 87; Вестник финансов, 1922, № 9, с. 44.

⁶² Вестник финансов, 1923, № 3, с. 3.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 3.

⁶⁴ Там же. Т. 54, с. 133; т. 44, с. 425.

⁶⁵ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март - апрель 1922 года. Стеногр. отч. М. 1961 с. 675-680.

Проведение широкой программы намеченных мер, направленной на преодоление финансовой разрухи в стране, проходило в атмосфере жарких дискуссий и яростных споров. Почти каждый доклад или выступление Сокольников на партийных форумах, сессиях ВЦИК и ЦИК СССР, на съездах Советов становились предметом бурной полемики, острых столкновений различных позиций. Многие «красные хозяйственники» полагали, что финансовый кризис заключается не в том, что выпущено слишком много денег и падает их ценность, а в том, что денег не хватает, не хватает оборотных средств на восстановление и развитие промышленности. Наркомфина гневно обвиняли в ведомственной узости и легкомысленном отношении к вопросам финансирования индустрии, с возмущением требовали немедленного прекращения «антиэмиссионного азарта»⁶⁶. Страсти доходили до такой степени, что раздавались призывы не допустить замену диктатуры пролетариата «диктатурой Наркомфина». Ларин, считавший возможным разрешение задачи стабилизации рубля не ранее 1927 г., ставил в пример Сокольникову финансовую политику Германии, утверждая, что «у них такая громадная денежная эмиссия, какая нам и не снилась»⁶⁷.

Отвечая оппонентам, Сокольников терпеливо объяснял, что дело не в злой воле финансового ведомства, которое якобы не дает денег промышленности и торговле в то время, как они им до зарезу нужны, а в том, что каждый новый выпущенный рубль падает па один и тот же рынок и увеличивать количество бумажных денег можно лишь в меру увеличения товаров. В противном случае — новое повышение цен, полное обесценивание денег, финансовая катастрофа. «Задача сокращения эмиссии,— говорил Григорий Яковлевич в марте 1922 г. на XI съезде РКП (б),— есть основная политическая и экономическая задача, но никак не ведомственная. Если к врачу приходит человек и требует, чтобы он дал ему опиум, впрыснул спасительный морфий и т. д.,— конечно, если этому пациенту только и остается, что умереть, и он хочет несколько часов в более спокойном состоянии не чувствовать своих предсмертных мук,— тогда надо впрыснуть морфий, это сделает каждый человеколюбивый врач. Разве мы в таком положении, и, следовательно, можем ли мы предлагать, чтобы съезд провозгласил как систему то, что наша финансовая политика должна состоять в дальнейшем усиленном отравлении ядом организма нашего хозяйства? Это глубочайшая ошибка. Против этого я возражал в докладе. Если у нас возле Иверской часовни на стене написано: «религия— опиум для народа», то я бы предложил возле ВС НХ повесить вывеску «эмиссия — опиум для народного хозяйства»⁶⁸.

Особое раздражение на съезде у некоторых хозяйственников вызвали слова Григория Яковлевича о том, что большая часть промышленности, организовавшаяся в трестах по хозяйственному расчету, продолжает жить на иждивении государства, оставаясь тяжелым бременем на госбюджете. Вслед за Лениным Сокольников говорил, что величайшая проверка жизнеспособности этих гострестов будет дана на рынке. «Рынок — вот жесточайший экзаменатор»⁶⁹. Поразительно, что сегодняшние дебаты о недопустимости стопроцентного госзаказа для промышленности, по существу, лишь повторяют сказанное Сокольниковым еще в самом начале реализации нэпа. Для подъема индустрии, отмечал он в своем докладе на Московской партконференции в марте 1922 г., необходимо прежде всего подсчитать, что можно с нее взять и чего нельзя, дать ей возмож-

⁶⁶ Там же, с. 335.

⁶⁷ Там же, с. 343; IV сессия ВЦИК IV созыва. 23-31 октября 1922 г. Стеногр. отч. М. 1922, Бюллетень № 5, с. 13.

⁶⁸ Одиннадцатый съезд РКП (б), с. 360-361.

⁶⁹ Там же, с. 308.

ность использовать свои силы для производства на рынок. «Не все, что вырабатывает предприятие, должно отдаваться государству; предприятие должно сдать из своей продукции государству то, что оно должно ему отдать по аналогии с продналогом в деревне, то есть известную часть своего валового дохода»⁷⁰. Промышленность, считал Сокольников, должна становиться на принцип платности, искать опоры на рынке и работать, главным образом, на рынок.

Горячие дискуссии среди советских экономистов велись в то время и вокруг вопроса, на основе какого мерил ценности строить систему хозяйственного расчета. Сторонники т. н. товарного рубля предлагали создание денег, не связанных с золотом, идущих по среднему курсу товаров, по товарному индексу. Сокольникову приходилось неоднократно доказывать, что такие идеи являются утопией, полным отходом от марксистской политэкономии и забвением элементарных экономических истин, относящихся к денежному обращению. В развитом товарном хозяйстве, подчеркивал он, цены выражаются в одном товаре — золоте, и это не каприз, а закон товарного хозяйства. Связь с товарами бумажных денег идет через золотую стоимость, и чем слабее последняя выступает в деньгах, тем хуже для этой бумажно-денежной системы⁷¹.

Еще в январе 1922 г. Григорий Яковлевич выдвинул идею о создании второй, параллельной совзнакам, устойчивой полноценной валюты, воплощенной в банковских билетах Госбанка и беспрепятственно размениваемой на совзнаки. А в конце ноября па свет появились первые «золотые банкноты» — червонцы. Они приравнивались к царской золотой десятирублевой монете, причем на 25% своей суммы обеспечивались золотом, другими драгоценными металлами и иностранной валютой по курсу на золото, а на 75% — легко реализуемыми товарами и краткосрочными обязательствами. Видный советский финансист профессор

Л. Н. Юровский отмечал, что наиболее деятельное участие в организации эмиссии червонцев принимали Сокольников и члены коллегии Наркомфина М. К. Владимиров (старый товарищ Григория Яковлевича еще по парижской эмиграции) и А. Л. Шейнман, член правления Госбанка Н. Н. Кутлер⁷². Выпуск «золотых банкнот» стал важнейшим исходным пунктом денежной реформы. В развитии финансового хозяйства Республики наступал перелом.

1922 год был вообще важным этапом в жизни Сокольникова. На XI партийном съезде после трехлетнего перерыва его снова избрали в состав ЦК РКП(б). На первом, расширенном Пленуме Исполкома Коминтерна по поручению ЦК он делал доклад о новой экономической политике. Летом ездил в Гаагу на международную конференцию по финансовым и экономическим вопросам, а в августе на XII Всероссийской конференции РКП(б) выступал с докладом по проблемам международной политики. Как член комиссии Оргбюро ЦК он принял активное участие в подготовке к объединению советских республик. 25 сентября около трех часов беседовал на эту тему в Горках с Лениным⁷³.

6 октября 1922 г. Пленум ЦК по докладу Сокольникова принял постановление, предлагавшее, «не декларируя никаких перемен в отношении монополии внешней торговли, провести ряд отдельных постановлений СТО о временном разрешении ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам». Ленин, не присутствовавший на Пленуме, расценил его решение как «срыв монополии внешней торговли». «Неудивительно, что этого добивался и добился тов. Сокольников,— отмечал Владимир Ильич в письме Сталину

⁷⁰ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Т. 1, с. 117.

⁷¹ Там же, с. 229.

⁷² Там же, с. 208; Экономическая жизнь, 6.1.1922; Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917-1927). М. 1928, с. 224.

⁷³ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 12, с. 388.

от 13 октября.— Он всегда этого добивался, он любитель парадокса и всегда брался докалывать, что монополия нам же невыгодна... Парадоксы товарища Сокольникова всегда остроумны, но надо же отличать парадоксы от тяжелой истины»⁷⁴. За ослабление монополии внешней торговли в этот период выступали, за исключением Ленина, все члены Политбюро ЦК РКП(б), включая Генерального секретаря ЦК Сталина. По настоянию Владимира Ильича окончательное решение вопроса было отложено на два месяца, а в декабре члены ЦК единогласно проголосовали за отмену постановления октябрьского Пленума⁷⁵.

Несмотря на разногласия с замнаркомфина по вопросу о монополии, у Ленина вряд ли могла возникнуть мысль, что из-за этого следует, допустим, отстранить Сокольникова от руководства финансовым ведомством. Хотя они по-прежнему встречаются на заседаниях Совнаркома и СТО, Владимир Ильич считал это недостаточным. Сохранилась его записка: «2 раза в месяц с Сокольниковым (по 1—2 часа) (понедельник или четверг?)». 20 ноября 1922 г. Григорию Яковлевичу довелось последний раз побывать на приеме у Ленина (уже тяжелобольного). Их разговор длился более полутора часов. Они говорили о состоянии финансов РСФСР и о работе Госбанка, о финансировании промышленности и налогах, о курсе рубля⁷⁶. А через день Президиум ВЦИК утвердил Сокольникова народным комиссаром финансов Республики. Ему было всего 34 года. После образования в 1923 г. союзного Совнаркома Григорий Яковлевич возглавил Наркомфин СССР.

Владимир Ильич не ошибся в своем выборе. Ярким доказательством этого стали говорившие сами за себя убедительные результаты денежной реформы, явившейся поистине «кислородом» для экономики молодого Советского государства и сыгравшей огромную роль в укреплении его финансовой мощи. Введение в обращение червонцев, а затем выпуск весной 1924 г. казначейских билетов и чеканка разменной серебряной и медной монеты позволили окончательно прекратить эмиссию бумажных совзнаков, обеспечили стабилизацию цен и удешевление товаров. «Упрямый нарком с Ильинки,— писал известный журналист М. Е. Кольцов,— недаром ограничивал нас, урезывал, подрубал крылья, нагружал налогами и оброками, утруждал составлением скучных смет, навлекая на свою голову все благочестивейшие коммунистические проклятия. Он жал, корежил, скопидомил, копил, копил — и вот — поди ж ты! — скопил гривенник!»⁷⁷. Действительно, рождение маленького серебряного гривенника после триллионов и квадриллионов ничего не стоивших бумажных рублей воспринималось населением с огромным воодушевлением. Показываемые на беспартийных крестьянских конференциях серебряные монеты вызвали настоящие взрывы восторга. Крестьяне толпами собирались у Советов, чтобы только посмотреть на новую советскую монету. На собраниях и митингах принимались бесчисленные резолюции в поддержку денежной реформы. Ее горячо приветствовала вся страна. Авторитет советского финансового ведомства никогда уже не поднимался так высоко, как тогда, в середине 20-х. «Я думало, что не ошибусь,— «серьезно» шутил Ларин,— если скажу, что это, во-первых, самый умный из наших наркоматов, а, во-вторых, это единственный наркомат с ясной хозяйственной линией в любое время, и если это был не единственный наркомат с характером, то, во всяком случае, единственный из наркоматов, который был с характером, знающий, где свой характер применить»⁷⁸.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 562, 220-221.

⁷⁵ См. Куклин Д. М. Борьба В. И. Ленина за неизбежность монополии внешней торговли.- Вопросы истории КПСС, 1963, № 10.

⁷⁶ В. И. Ленин. Биохроника. Т. 12. с. 452, 490.

⁷⁷ Кольцов М. Избранное. М. 1985, с. 39.

⁷⁸ 2 сессия ЦИК 2-го созыва. Стеногр. отч. М. 1924, Бюллетень № 7, с. 322.

И все же несмотря на очевидный успех политики Наркомфина ретивые сторонники «хозяйства», заинтересованные в получении еще большего количества оборотных средств, выступая под лозунгом «Все для производства!», по-прежнему требовали от Сокольников не жалеть «разноцветных бумажек», клеймили «позором» недостаточное финансирование промышленности за счет якобы слишком большого облегчения налогового бремени на крестьянство и увеличения расходов на социально-культурные нужды. Нисколько не смущаясь, они призывали решительно приспособлять рыночную обстановку к собственным плановым устремлениям, предлагали без всяких колебаний использовать даже малейшую возможность, чтобы быстрее продвинуть вперед, подхлестнуть развитие социалистического звена государственной промышленности по сравнению с мелкобуржуазным звеном крестьянского хозяйства, настаивали на неограниченном расширении банковской эмиссии.

Сокольников не раз предупреждал, что этот путь якобы быстрого развития промышленности на самом деле ведет к инфляции, к крушению с таким трудом созданной твердой валюты. «Общий интерес хозяйственного подъема страны и хозяйственного укрепления, правильно понятый,— говорил наркомфин,— требует, чтобы эмиссионная политика отстаивала твердость валюты против чрезмерных увлечений отдельными частями государственного хозяйства, увлечений, состоящих в переоценке сегодняшнего дня и в забвении интересов завтрашнего»; в отличие от сторонников «кредитной экспансии» и «диктатуры промышленности» Сокольников имел твердое мнение, что условием успешного проведения политики хозяйственного подъема является внутреннее равновесие всего народнохозяйственного механизма, лучшим измерителем которого служит именно состояние денежного обращения⁷⁹.

В основе экономической политики должно лежать отнюдь не стремление раздуть планы до максимальных пределов, а обеспечение возможности твердого и уверенного продвижения вперед, с одной стороны, возможно более быстрого, а с другой — наиболее плавного и безболезненного. Выступая за экономические методы управления хозяйством страны, за то, чтобы строить отношения города с деревней целиком на экономическом стимуле, на экономической заинтересованности, Сокольников указывал, что для осуществления социализма на деле, воплощения его в жизнь «во плоти и крови» потребуются годы, а может быть, и десятилетия напряженнейшего упорного труда. Выдвинутый в свое время Лениным лозунг «лучше меньше, да лучше», полагал наркомфин, должен стать для всех хозяйственников руководящим правилом. «Лучше меньше, да лучше», т. е. то, что обещано, должно быть выполнено; то, за что берется Советская власть, должно быть осуществлено; поменьше обещаний, поменьше слов — побольше дела, побольше действительного исполнения»⁸⁰.

Середина 20-х годов — пик партийной и государственной деятельности Сокольников. Он является кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б) и Президиума Исполкома Коминтерна, членом Совнаркома, Совета Труда и Оборона, ЦИК СССР. К этому периоду относится и важное событие в его личной жизни: женой Григория Яковлевича стала юная Галина Серебрякова, начинающая журналистка, в будущем известная писательница, автор книг «Женщины эпохи Французской революции», «Юность Маркса», «Похищение огня», многих других. «Я жила в 5-м Доме Советов, на улице Грановского, в квартире, где на каждой вещи был прибит металлический номерок инвентаризации,— вспоминала Галина Иосифовна много лет спустя.— Ничего из имущества, кроме мамино

⁷⁹ Правда, 5.XII.1925; Сокольников Г. Я. Денежная реформа. М. 1925, с. 54—55; Струмилин С. Г. Избранные произведения. Т. 2. М. 1963, с. 158; Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Т. 3. М. 1928, с. 257, 46.

⁸⁰ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Т. 3, с. 10, 18, 178.

небольшого рояля, нам не принадлежало... В этой небольшой темноватой квартире прошло четыре года второй половины 20-х годов. Кто только не бывал в ней, и сколь необычные часы поэзии, музыки, политических споров проходили в столовой и узеньком кабинете»⁸¹.

В гости к Сокольникову и его жене приходили такие интересные люди, как Бухарин, А. С. Енукидзе, Орджоникидзе (с ним Григорий Яковлевич познакомился еще в 1909 г. в красноярской пересыльной тюрьме), Тухачевский, Фрунзе («В 1925 году,—отмечала Серебрякова,— Михаил Васильевич часто бывал у нас в доме»), Ф. Ходжаев, поэт Б. Пастернак (друг Григория Яковлевича еще по 5-й московской классической гимназии), писатели И. Бабель, Б. Пильняк и многие-многие другие. В 1926 г. на ул. Грановского впервые появился молодой композитор Д. Шостакович. «Шостакович бывал у нас всякий раз, когда приезжал из Ленинграда в Москву,— писала Серебрякова.— ... Случалось, Шостакович жил у нас по несколько дней. Ночевал на диване в столовой или в кабинете мужа»⁸².

Сам Григорий Яковлевич очень любил классическую музыку, неплохо играл на рояле, был ценителем живописи и театра, неистовым библиофилом, обладал литературным вкусом. Кстати, Серебрякова не раз подчеркивала, что стала писательницей во многом благодаря стараниям мужа; он же редактировал ее первые художественные произведения. И все же главной страстью для Сокольникова всегда оставалась работа. Безделье, бессмысленная трата времени на праздные разговоры претили ему. Остроумный полемист, прекрасный оратор, в личных отношениях он был внешне ровен, холодновато сдержан, даже суров и замкнут и тем не менее всегда вызывал к себе почтительное уважение. Выдержку, молчаливость и любовь к одиночеству, по словам Галины Иосифовны, Сокольников считал самыми ценными чертами характера для каждого интеллектуала. Ему всегда не хватало времени: он спал не более шести часов в сутки. На его письменном столе постоянно лежали газеты на десятках языков мира, новейшие статистические экономические справочники и научные труды. Он писал и читал на многих европейских языках, в совершенстве владел французским и немецким, хорошо знал английский и итальянский. Это был тип ученого, самоуглубленного, всецело, до самоотречения поглощенного политикой, экономикой, финансовой наукой.

Между тем отношения в партийном руководстве все более обострялись. Сокольников примыкает к т. н. новой оппозиции (Зиновьев, Каменев, Крупская, Лашевич и др.). «Осенью 1925 г.,—сообщал он в автобиографии,— защищал точку зрения необходимости, наряду с обеспечением возможности быстрого подъема сельского хозяйства как базы мощной промышленности, отчетливой классовой политики в деревне и во внутрипартийных разногласиях 1925—26 гг. поддерживал меньшинство ЦК». Позже Серебрякова, вспоминая слышанное от мужа, писала, что в декабре 1925 г. перед открытием XIV съезда ВКП(б) Сталин встретился с ним и просил не поддерживать оппозицию, не говорить в своей речи о необходимости избрания нового Генерального секретаря ЦК. Сокольников не согласился. «Пожалеешь, Григорий»,— предупредил его Сталин, однако поздней ночью снова звонил по вертушке и вновь безуспешно просил о том же»⁸³.

На съезде Сокольников заявил, что в партии отсутствует в достаточной степени согласованное и твердое руководство, проводится линия на «отсечение» Каменева и Зиновьева; что любое расхождение, возникающее в Политбюро по любому политическому вопросу, находит отражение на

⁸¹ Литературная газета, 15.1.1986.

⁸² Серебрякова Г. Избранные произведения. В 2-х тт. М. 1975. Т. 2, с. 227, 426, 471.

⁸³ Из неопубликованных воспоминаний Г. И. Серебряковой; Автобиография, ст. 87.

организационной работе. «Если при тов. Ленине,—говорил он,—у нас было так организовано руководство партией, что дирижером работы было Политбюро Центрального Комитета, то мы имеем все основания вернуться к этому порядку... Ленин не был ни председателем Политбюро, ни генеральным секретарем и тов. Ленин тем не менее имел у нас в партии решающее политическое слово. И если мы против него спорили, то спорили трижды подумав. Вот я и говорю: если тов. Сталин хочет завоевать такое доверие, как т. Ленин, пусть он и завоеует это доверие»; Сокольников полагал, что внутри Политбюро должен быть обеспечен свободный обмен мнениями по любым вопросам и исключена возможность образования твердо сплоченных групп. «Это нам нужно всем, это нужно всей партии»,—подчеркивал он⁸⁴. Сказанного Григорием Яковлевичем на съезде Сталин не простил ему никогда.

В своих предсъездовских статьях, докладах и выступлениях Сокольников часто повторял, что развитие промышленности наиболее быстрым темпом может быть обеспечено только через поднятие сельского хозяйства. Первая задача действительно планового порядка заключается в том, чтобы превратить СССР в страну хозяйственной устойчивости, навсегда отвести от нее угрозу голода. Более быстрый подъем сельского хозяйства за счет его интенсификации, повышения производительности труда обеспечит создание достаточной сырьевой и продовольственной базы для промышленности. Основную ставку в политике финансирования хозяйственного подъема Сокольников предлагал делать на развитие экспорта излишков сельскохозяйственной продукции. По его убеждению, это позволяло восстановить и увеличить истраченные золотые резервы государства, расширить ввоз из-за границы необходимого промышленного оборудования и недостающего сырья и, значительно ускорив тем самым процесс технического переоборудования промышленности, двинуть вперед «со всей возможной энергией» собственное машиностроение⁸⁵.

На XIV партийном съезде Сокольников заявил, что более интенсивное развертывание сельского хозяйства в течение ряда ближайших лет будет происходить отнюдь «не потому, что мы не хотим развивать нашу промышленность быстрее, мы все хотели бы развивать ее возможно быстрее, а потому что сельское хозяйство может развиваться при условии вложения в него гораздо меньших средств», «даже без большого переоборудования основным капиталом». Наркомфин полагал, что излишки сельскохозяйственной продукции есть наиболее серьезное и пока что почти единственное орудие связи СССР с мировым рынком. «И если,—подчеркивал он,—мы не хотим погрязнуть в самодовольстве в нашей деревянной стране, если хотим превратиться в такую страну, которая в своем развитии не будет отставать от капиталистических стран, то нам не избежать ввоза оборудования за счет сельскохозяйственной продукции»⁸⁶.

В заключительном слове по отчету ЦК Сталин сказал, что Сокольников превращает «нужду», т. е. импорт оборудования, «в принцип, в теорию, в перспективу развития» и «выступает, по сути дела, сторонником дауэсизации нашей страны»⁸⁷. (Ярлык, навешенный на наркомфина, оказался настолько живуч, что до последнего времени упорно повторялся в историко-партийной литературе.) Уже 25 декабря 1925 г. в редакционной статье «Правды» утверждалось, что Сокольников якобы «пытался и пытается «задвинуть» руководящую роль крупной промышленности», предлагает «экономическую программу, которая сводится к

⁸¹ Четырнадцатый съезд ВКП(б). 18-31 декабря 1925 г. Стеногр. отч. М.—Л. 1926, с. 335, 336.

⁸⁵ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Т. 3, с. 191, 65—66, 68—69.

⁸⁶ Четырнадцатый съезд ВКП(б), с. 331, 332.

⁸⁷ Сталин И. Соч. Т. 7, с. 354.

ослаблению роли крупной промышленности, к развязыванию мелкобуржуазной стихии и превращению нашей страны в аграрную колонию промышленно-капиталистических стран». Все это говорилось о человеке, столько сделавшем для финансового возрождения СССР! Хотя на съезде его снова избрали в состав ЦК ВКП(б), уже 16 января 1926 г. Григорий Яковлевич был освобожден от обязанностей наркома финансов.

Научное наследие Сокольникова, практически еще не оцененное специалистами, представляет большой интерес для любого серьезного исследователя, изучающего историю финансовой и валютной политики Советского государства в условиях нэпа, и в частности историю денежной реформы 1922—1924 годов. Помимо более чем двух десятков брошюр и огромного количества статей, докладов и выступлений, разбросанных по страницам центральных периодических изданий и опубликованных в различных сборниках, основные работы Сокольникова по финансовым и экономическим вопросам собраны в трехтомнике «Финансовая политика революции» и книге «Денежная реформа». Его пользовавшийся популярностью учебник «Финансовая наука», который вышел в двух выпусках и имел три издания (1930 и 1931 гг.), представляет собой курс лекций, прочитанных Григорием Яковлевичем в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова и в 1-м МГУ в 1928/29 учебном году.

Назначенный заместителем председателя Госплана СССР, Сокольников участвовал в подготовке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Уже в те годы он призывал закладывать в пятилетку такие цифры, которые обеспечили бы проведение индустриализации не только наиболее быстро, но и наиболее плавно, с «наибольшей безболезненностью для масс». Ставить задачу в очень короткий, пятилетний срок подойти к тому, чтобы производить все необходимое государству самим, предупреждал Сокольников,— это значит накладывать на хозяйство СССР такое бремя, которое оно не сможет выдержать. «Не нужно забывать,— подчеркивал он,— что мы имеем дело с цифрами, а будем иметь потом дело с живыми людьми»⁸⁸. Задача хозяйственной политики, задача планирования как раз и состоит в том, чтобы обеспечить перестройку экономики страны, расширение производства в промышленности и сельском хозяйстве при сохранении во всей хозяйственной машине состояния динамического равновесия.

Величайшая осторожность и величайший плановый разум, указывал Григорий Яковлевич, особенно нужны при проведении политики капитальных затрат. Непосильное форсирование последних не только не дает никаких выгод промышленности, но и наносит громадный ущерб всем другим отраслям,— ведет к росту цен, понижению покупательной силы денег и подрыву устойчивости валюты, уменьшая тем самым возможность расширения денежной массы, суживая рамки деятельности кредитной системы. Индустриализация, говорил Сокольников, если только она не проводится в условиях здорового хозяйственного механизма с достаточной осторожностью и точностью, обязательно вызывает явление товарного голода. Поэтому чем больше будет достигнута устойчивость во всем хозяйственном организме, тем легче будет решить задачу индустриализации. Ускорение ее темпов возможно «только на почве гармонического развития всего народного хозяйства»⁸⁹.

Увы, сторонники форсированного развития промышленности не желали прислушаться к трезвому голосу тех, кого они сами называли «скептиками» и «пессимистами». Победила политика «сверхиндустриализации» со всеми вытекавшими из нее негативными последствиями. Такие экономисты, как Сокольников, реалистично мыслящие, самостоятельные и независимые в своих оценках и суждениях, мешали претворению в

⁸⁸ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Т. 3, с. 70, 80.

⁸⁹ Там же, с. 88, 92.

жизнь сталинского курса. Сначала им затыкали рты, потом уничтожили физически. В результате же произошло то, от чего предостерегал партию Григорий Яковлевич еще в 1926 г.: «Если мы будем трубить, провозглашая официально казенное благополучие, скрывая от всех действительное положение вещей, этим возможные кризисы не будут предотвращены. Наоборот, они будут подготавливаться, положение ухудшаться»⁹⁰.

В мае 1927 г. в составе советской делегации Сокольников участвовал в международной экономической конференции в Женеве, где его доклад о хозяйственном развитии СССР вызвал большой резонанс и имел громадный успех. Пресса писала, что богатая фактическим содержанием, уверенная, спокойная и ровная речь Сокольникова, произнесенная с большим достоинством, резко изменила настроение не только женевской, но и всей мировой капиталистической аудитории. Она не оставляла сомнений, что строительство социализма в СССР — не фантазия, а реальный факт. «Речь Сокольникова,— признавался корреспондент одной из швейцарских газет,— произвела такое сильное впечатление, от которого не сразу можно отделаться. Аплодисменты раздались на скамьях всех делегаций парламента капиталистического хозяйства. Даже англичане аплодируют в знак одобрения речи Сокольникова»⁹¹.

В ноябре 1929 г. в связи с восстановлением советско-английских дипломатических отношений Григорий Яковлевич, который уже в течение полутора лет работал председателем правления Нефтесиндиката, был назначен полномочным представителем СССР в Великобритании. Официальный орган правящей лейбористской партии газета «Daily Herald» писала в те дни: «Назначение Сокольникова советским послом в Англии является благоприятным предзнаменованием для дружественного развития англо-советских отношений. Практический экономист с большим практическим знанием государственных финансов, а также экономических нужд и торговых возможностей своей страны, новый посол является наиболее подходящим лицом для представительства России в предстоящих трудных и сложных переговорах. Его персональное обаяние, независимость его ума и характера в соединении с авторитетом и уважением, которыми он пользуется в России, являются особо ценными качествами для чрезвычайно трудной задачи, стоящей перед ним»⁹².

Хотя вся политическая атмосфера Англии тех лет почти непрерывно сотрясалась бешеными антисоветскими кампаниями, уже 16 апреля 1930 г. Сокольников и британский статс-секретарь по иностранным делам А. Гендерсон подписали Временное торговое соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии. 22 мая было подписано Временное соглашение о рыболовстве⁹³. Григорий Яковлевич многое сделал для улучшения отношений и развития торговли между двумя странами, приобрел широкие связи в политических, деловых и культурных кругах. В 1932 г., являясь одновременно членом советской делегации, возглавляемой наркоминделом М. М. Литвиновым, он участвовал в международной конференции в Женеве по сокращению и ограничению вооружений. От должности полпреда Сокольников был освобожден 14 сентября 1932 г. (как отмечалось в постановлении Президиума ЦИК СССР, «согласно его просьбе»). По воспоминаниям Серебряковой, Сталин, впервые встретившись с Сокольниковым после его приезда в Москву, заметил: «Говорят, Григорий, ты так полюбился господам англичанам, что они тебя отпустить не хотели. Может, лучше тебе жить с ними?» Около полугода Сокольников находился в опале⁹⁴. И только в марте 1933 г. последовало

⁹⁰ Вестник Коммунистической Академии, 1926, № 17, с. 205.

⁹¹ Правда, 8.V.1927.

⁹² Известия, 29.XI.1929.

⁹³ *Документы* внешней политики СССР. Т. XIII. М. 1967, с. 213—219.

⁹⁴ Из неопубликованных воспоминаний Г. И. Серебряковой.

новое назначение — членом коллегии Народного комиссариата по иностранным делам⁹⁵.

В 1929 г. семья Григория Яковлевича переехала в приарбатский Карманицкий переулок. Пока он работал в Лондоне, в квартире на время отсутствия хозяев поселился писатель И. Бабель. «После нашего возвращения Бабель еще с месяц жил у нас», — вспоминала Галина Иосифовна. Там, в Карманицком, у Сокольникова бывали А. В. Галкин, А. М. Коллонтай, А. С. Сванидзе, скульптор В. И. Мухина, известный врач А. А. Замков, Орджоникидзе... «Во второй половине двадцатых годов и в начале тридцатых, — писала Серебрякова, — Серго реже бывал у нас, но дружба его с моим мужем, начавшаяся еще в Париже, не прекращалась... Приезжая к нам, он подолгу беседовал с моим мужем»⁹⁶.

Последнее, довольно неожиданное назначение Сокольникова — первым заместителем наркома лесной промышленности СССР — состоялось в мае 1935 года. Новая, незнакомая работа, новые обязанности и заботы. Но Григорий Яковлевич принадлежал к тем счастливым натурам, у которых едва ли не все, за что они берутся, получается хорошо. И все же разумно ли было поручать недавнему дипломату, экономисту и финансисту с мировым именем заниматься вопросами сплава древесины, механизированной вывозки леса и тому подобным? Сталину, видимо, очень хотелось унижить, согнуть этого гордеца-интеллигента. («Гордый наркомфинянин» — так, кстати, назывался дружеский шарж на Сокольникова работы художника В. Н. Дени, помещенный в «Правде» осенью 1924 года)⁹⁷.

На январской Московской партконференции 1934 г. Сокольникову, в то время являвшемуся заместителем наркома по иностранным делам и кандидатом в члены ЦК ВКП(б), устроили настоящую обструкцию, не давали говорить, настойчиво требовали, чтобы он рассказал про свои «ошибки в области индустриализации». «Простите за простую мысль, — обратился он к залу, — но неужели вы думаете, что вы, здесь присутствующие, правильно видите ленинский путь, а я его никак увидеть и вернуться на него не могу?»⁹⁸. Ему ответил из президиума конференции первый секретарь МК ВКП(б), член Политбюро ЦК И. М. Каганович: «Видите ли, т. Сокольников, — заявил он под «бурные, долго не смолкающие аплодисменты», — рабочие и крестьяне поняли это давно, а вот такие люди, как вы, например, которые считали себя вумными, раньше запутались и попались в лапы врага против рабочего класса, против ленинизма и своей партии. Вот почему так волнуются делегаты и хотят слышать правду о ваших ошибках, хотя бы наполовину от этих вумных людей»; в заключительном слове Каганович с издевкой говорил, что простая колхозница политически грамотнее «ученого» Сокольникова⁹⁹.

А ведь от оппозиции Григорий Яковлевич отошел еще летом 1927 года. «Разорвал с оппозицией и тов. Сокольников, — говорилось тогда в передовой газеты «Правда», — не пожелавший строить в нашей партии — другую партию, отказавшийся поддерживать деятельность оппозиции, разлагающую дело укрепления обороноспособности нашей страны». На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. Сокольникова вновь избрали членом ЦК, на XVI и XVII съездах он избирался кандидатом в члены ЦК ВКП(б), являлся членом ЦИК СССР. Еще в начале 30-х годов в его биографических справках писали: «Видный большевик»¹⁰⁰. Но тем не менее ему постоянно напоминали о всяческих грехах как реальных, так и мни-

⁹⁵ Известия, 7.X.1932.

⁹⁶ Серебрякова Г. Избранные произведения. Т. 2, с. 435, 236.

⁹⁷ Правда, 11.X.1924.

⁹⁸ IV Московская областная и III городская конференции Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стеногр. отч. М. 1934, с. 161.

⁹⁹ Там же, с. 162, 192.

¹⁰⁰ Правда, 3.VIII.1927; Ленин В. И. Сочинения. Изд. 3-е. Т. XXVII, с. 590.

мых, заставляли каяться, доказывать «преступность» своих прежних взглядов, обличать себя и бывших единомышленников, превозносить «мудрость» и «несравненное руководство» любимого «вождя».

Стиснув зубы, старые большевики принимали условия навязанной им бесчестной игры, принимали только ради того, чтобы не оказаться вне партии, без которой не мыслили своего существования, ради возможности активно участвовать в социалистическом строительстве, чему и отдали без остатка свои жизни. Но даже такие, морально сломленные, вынужденные пойти на сделку с собственной совестью, они оставались опасными для Сталина, были для него живым напоминанием о погранных ленинских принципах партийной жизни, о подлинной внутрипартийной демократии. Сталин и его «команда» не могли спокойно властвовать в партии и стране, пока где-то рядом жили, работали, мыслили Сокольников, Бухарин, Рыков, другие партийные интеллигенты с их недюжинными способностями и талантами, острым критическим умом, глубокими знаниями и культурой, гуманным отношением к людям и обычной человеческой порядочностью.

Уже не раз отмечалось, что Сталин как настоящий иезуит, прежде чем расправиться с очередной своей жертвой, любил поиграть с нею, как кошка с мышкой. В мае 1936 г. он позвонил Григорию Яковлевичу домой и поинтересовался, есть ли у него дача. Выяснилось, что нет. Большую дачу в Баковке построили буквально за несколько недель, и уже в июне вся семья — Галина Иосифовна, ее мать Б. С. Красуцкая и дочери (старшая, от первого брака с Л. П. Серебряковым, Зоря и младшая двухлетняя Лана) переехали туда. И все же несмотря на внешнюю благосклонность «вождя», Сокольников чувствовал недоброе. Атмосфера сгустилась. Убийство Кирова и последовавшая за ним волна жестоких репрессий — многочисленные аресты тех, кого он хорошо знал многие годы, первые судебные процессы над «врагами народа», суровые приговоры — не могли не волновать Григория Яковлевича. К этому прибавились неприятности на работе, резкое ухудшение отношений с наркомом С. С. Лобовым, которого всячески настраивал против него Каганович. 15 июля Сокольников был освобожден от обязанностей заместителя наркома с переводом, как отмечалось в постановлении ЦИК СССР, «на местную работу по Наркомлесу»¹⁰¹.

По свидетельству З. Л. Серебряковой, последние месяцы перед арестом ее отчим был очень угнетен. Тяжелая депрессия, чувство отчаяния и безысходности, мысли о судьбе семьи не оставляли его. Видимо, он ждал ареста, даже готовился к нему. Не желая пугать жену, втайне сжигал какие-то письма, документы¹⁰²: в руках сталинских следователей любая бумага могла послужить основой для новых клеветнических обвинений против ни в чем не повинных людей. Все чаще к нему приходила мысль о самоубийстве. Галина Иосифовна вспоминала слова мужа: «Если это политика, а не происки Кагановича и... Лобова, нет иного выхода, кроме пули в лоб, этим я спасу тебя, а моя жизнь уже все равно прожита». Однако Сталина такой исход вряд ли устраивал, Сокольников был пока еще нужен ему живым, и Сталин разыграл очередной спектакль: он пригласил Григория Яковлевича к себе на дачу и, подняв бокал, произнес беспримерный по лицемерию и цинизму тост: «За Сокольникова, старого моего друга боевого, одного из творцов Октябрьской революции»¹⁰³.

... Его арестовали 26 июля. К каким же чудовищным моральным и физическим истязаниям нужно было прибегнуть, чтобы вырвать ложные, фантастические признания у человека, не сломленного царскими тюремщиками, не кланявшегося пулям на фронтах гражданской, не раз

¹⁰¹ Лесная промышленность, 17.VII.1936.

¹⁰² Из беседы с З. Л. Серебряковой (архив автора).

¹⁰³ Из неопубликованных воспоминаний Г. И. Серебряковой.

рисковавшего своей жизнью! Кое-что проясняют воспоминания Г. И. Серебряковой¹⁰⁴. Как жене Сокольникова ей пришлось пройти через все круги тюремно-лагерного ада. Исключенную из партии, но еще не арестованную Галину Иосифовну каждую ночь возили на допросы на Лубянку, где Ягода и его заместитель Агранов настойчиво требовали от нее лжесвидетельствовать против собственного мужа. В эти дни ей передали записку от Григория Яковлевича. Раскрыв сложенную вчетверо бумажку, она хотела вернуть ее назад, не узнав какой-то странный, детский почерк. И все же это писал Сокольников: «Галя, я не вернусь. Ты должна подумать, как построить отныне свою жизнь». Он прощался с ней навсегда.

Доведенную до тяжелого психического расстройства, пытавшуюся покончить с собой, Серебрякову поместили в буйное отделение психиатрической больницы им. П. П. Кащенко. Прошло полтора месяца, прежде чем рассудок вернулся к ней. Но уже 8 января 1937 г. из больницы, еще не окрепшую, ее увозят в Бутырки; сорвав одежду, бросают в темный ледяной карцер. Десять суток провела она там, отказываясь от пищи и воды. Обессиленная, лежа на цементном полу, испытывая острые физические страдания от язв, покрывших тело, и от холода, она как об избавлении мечтала о самом страшном — снова лишиться рассудка, погрузиться во мрак безумия. Как-то ночью сквозь волчок на нее упал свет прожектора, и за дверью камеры раздался дикий мужской крик. Если ее показали Сокольникову, то невозможно представить, что пережил он, увидев свою жену в ужасной каменной яме без воздуха и света. По свидетельству Серебряковой, это произошло незадолго до открытия в Доме Союзов судебного процесса по грубо сфабрикованному «делу» никогда не существовавшего «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Палачам требовалось окончательно сломить волю Сокольникова. Можно предположить, что он согласился участвовать в процессе, не выдержав вида страданий жены и поверив, что от этого будет зависеть ее освобождение. Во всяком случае, мать Серебряковой заставили на Лубянке под диктовку написать ему, что Галина Иосифовна дома, вполне счастлива, а книги ее по-прежнему печатаются. Серебрякову вскоре действительно освободили, но очень ненадолго. Через тюрьмы и ссылки прошла и ее дочь Зоря.

«Бледное лицо, скорбные глаза, черный лондонский костюм. Он как бы носит траур по самому себе»,— так описывал Григория Яковлевича один из московских журналистов, присутствовавший на январском процессе¹⁰⁵. «Сокольников,— сообщал корреспондент английской «Daily Telegraph»,— производит впечатление совершенно разбитого человека. Подсудимый вяло и безучастно сознается во всем: в измене, вредительстве, подготовке террористических актов. Говорит тихо, голос его едва слышен»¹⁰⁶. 30 января 1937 г. Военной Коллегией Верховного суда СССР Сокольников был приговорен к 10-летнему тюремному заключению. Это отнюдь не означало, что Сталин решил подарить ему жизнь. Мученическое пребывание Григория Яковлевича в Верхне-Уральском политизоляторе продолжалось недолго. Сокольникова не стало в 1939 году. Посмертная реабилитация ленинского наркома пришла только через полвека. В июне 1988 г. пленум Верховного суда СССР вынес постановление об отмене приговора и прекращении дела в отношении Сокольникова за отсутствием в его действиях состава преступления. Так было восстановлено честное имя человека, без знания жизни и деятельности которого нельзя написать правдивую историю становления Советского государства.

¹⁰⁴ Серебрякова Г. Смерч.- Подъем, Воронеж, 1988, № 7, с. 33–34, 38.

¹⁰⁵ Известия, 25.1.1937.

¹⁰⁶ Цит. по: Последние новости, Париж, 26.1.1933.